нако социологи до сих пор уделяли ей недостаточное внимание, поэтому перед нами — серьезная попытка систематически рассмотреть монашество с помощью социологического инструментария. Во-вторых, книга вносит вклад в изучение христианского монашества, к которому исследователи обращаются реже, чем к монашеству восточных религий (буддизм, индуизм и др.). В-третьих, существующие исследования фокусируются на изучении активной общинной жизни монастырей, их социальной работы и вклада в сообщество. Авторы данной книги уделяют достаточное внимание собственно монашеским религиозным практикам и внутренней жизни монастырей в той мере, которая им доступна.

*К. Медведева*

***Мартинович В.А.*** **Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: Минская духовная академия, 2015. — 559 с.**

Монография В.А. Мартиновича, как вытекает из ее названия, посвящена чрезвычайно актуальной в современном религиоведении теме возникновения и миграции нетрадиционной религиозности. Казалось бы, вопросам возникновения и развития нетрадиционной религиозности уже посвящены тысячи зарубежных и отечественных исследований; в их числе и фундаментальные монографии, и зарубежные справочные издания по новым религиозным движениям. Тем не менее следует признать, что труд В.А. Мартиновича является не только «скромной лептой», но серьезным вкладом в религиоведение.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что рецензируемая монография не только является результатом анализа 673 трудов, более половины из которых — англо- и немецкоязычные, но содержит ряд интересных авторских концепций и теоретических находок. Это и закономерности касательно влияния личной истории основателя НРД, его образования и статуса на успех его начинания, а также, наоборот, влияния содержания и структуры организации на общий портрет ее основателя, и разработанная В.А. Мартиновичем «интеллектуальная модель культовой инновации», и системный подход к анализу нетрадиционной религиозности, и др. Эмпирическая база,

подтверждающая теоретические выкладки автора, насчитывает 3815 НРД из 93 стран мира. Немаловажным является и то, что В.А. Мартинович вводит в научный оборот отечественного религиоведения множество западных концепций относительно разных аспектов возникновения и миграции НРД и поднимает вопросы, которые до сих пор мало или совсем не обсуждались у нас, такие, например, как влияние аккультурации на массовое появление религиозных инноваций, борьба за власть как основная причина появления сект, влияние на образование структурированных форм нетрадиционной религиозности таких факторов, как ритуальная практика, морально-этический кодекс поведения, аудиовизуальное сопровождение сектантских движений и наличие собственного сакрального пространства и/или места для регулярных собраний группы. Наконец, в монографии поставлены теоретические вопросы, которые еще только предстоит решить.

Ключевое понятие, используемое в монографии, это, конечно, «нетрадиционная религиозность». Автор определяет ее как «все многообразие форм сектантства, существующих на территории одной, конкретно взятой страны мира» (с. 41), а также как сложную, открытую, развивающуюся, целостную подсистему общества, включающую в себя все многообразие разновидностей и типов сектантства (с. 86). В.А. Мартинович представляет нетрадиционную религиозность в виде целостной системы, которая имеет неизменное «ядро» и подвижную «оболочку», изменяющуюся под влиянием целого ряда факторов и обусловливающую «индивидуальный портрет сектантства той или иной страны мира» (с. 87–88). Поскольку нетрадиционная религиозность в целом, и прежде всего такой ее компонент, как культовая среда, черпает свой идейный потенциал в том числе и из несектантских идей, то феномен сектантства неуничтожим; он будет существовать до тех пор, пока существует общество, убежден В.А. Мартинович. Ключевой для всей монографии является глава 3, в которой автор предлагает циклическую схему динамики воспроизводства нетрадиционной религиозности, включающую три элемента: а) несектантские идеи в обществе, б) культовая среда общества и в) структурированные формы сектантства. Вся система проходит два круга развития (внутренний и внешний), и полный цикл завершается возвращением системы в изначально равновесное состояние (вне зависимости от того, какой была стартовая позиция). Таким образом, воспроизводство нетрадиционной религиозности циклично и непрерывно.

Автор фактически опровергает популярную в религиоведении концепцию «бума» нетрадиционной религиозности на Западе в 1960-х гг. как уникального в истории общества явления.

«Дорожная карта» исследования, предпринятого в рецензируемой монографии, включает две основные задачи.

Первая задача предполагает «описание всего многообразия базовых элементов системы нетрадиционной религиозности с учетом особенностей их структуры и содержания в привязке к европейскому региону, а также с исследованием ситуации в Белоруссии...» (с. 89). Эта задача решается путем раскрытия следующих вопросов: 1) Создание двух классификаций элементов нетрадиционной религиозности, в основания которых положены степень развития структуры НРД и особенности содержания учения НРД; 2) Раскрытие идеально-типического характера обеих классификаций и их неразрывная взаимосвязь друг с другом; объяснение привязки этих классификаций к европейскому региону; 3) Операционализация понятия индивидуального портрета нетрадиционной религиозности и создание такого портрета для Белоруссии; 4) Рассмотрение вопроса о границах нетрадиционной религиозности и о ее пограничных состояниях.

Вторая задача — анализ системы воспроизводства нетрадиционной религиозности и исследование процессов возникновения и миграции НРД в Белоруссии. Она, в свою очередь, раскрывается в пяти вопросах: 1) Анализ основных элементов и процессов системы воспроизводства нетрадиционной религиозности, а также динамики ее работы; 2) Изучение влияния социокультурного контекста на систему воспроизводства нетрадиционной религиозности, с обзором современных концепций; 3) Изучение процессов, протекающих на микроуровне и приводящих к появлению сект и культов; 4) Теоретический анализ феномена миграции НРД; 5) С учетом результатов исследования индивидуального портрета нетрадиционной религиозности, а также разработок в области динамики воспроизводства нетрадиционной религиозности, представление результатов исследования процессов возникновения и миграции НРД в Белоруссии.

В целом структура рецензируемой монографии включает в себя восемь взаимосвязанных глав, в каждой из которых — от пяти до семи параграфов. Поскольку подробный их обзор в рамках объема рецензии не представляется возможным, остановлюсь лишь на нескольких дискуссионных вопросах и тех разработках В.А. Мартиновича,

которые, на мой взгляд, необходимо развить. В частности, рассмотрим классификации, разработанные автором.

Первая из них — классификация нетрадиционной религиозности «по структуре» — имеет, как утверждает белорусский исследователь, в своей основе две характеристики: членство и степень развития организационной структуры (или ее отсутствие).

В соответствии с этими характеристиками выделяются следующие типы нетрадиционной религиозности:

1) Секты и культы (с сильной организационной структурой и институтом постоянного членства). Секты образуются в результате отделения от религиозной группы, тогда как культы возникают в результате культовой инновации.

2) Клиентурные культы (со слабой организационной структурой и институтом временного членства). Клиентурные культы претендуют на полноту знаний в какой-либо конкретной сфере бытия человека и общества; они «предлагают ограниченный набор специализированных услуг за определенную плату или компенсацию и изначально не предполагают выстраивания долгих отношений со своими “клиентами”» (с. 92).

3) Аудиторные культы — имеют «минимальную организационную структуру с системой регулярной трансляции религиозного или оккультно-мистического знания в массы» и полное отсутствие института членства (с. 93).

4) Культовая среда общества: не имеет ни организационной структуры, ни института членства, поскольку это «вся сфера неинституализированной нетрадиционной религиозности, состоящая из сектантских идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке вне контекста какой-либо группы» (с. 94).

5) Внутрицерковное сектантство: нетрадиционные верования и практики, существующие «в границах традиционных религий мира» (однако из контекста следует, что все-таки границы данного типа заданы церковью как институтом общества, а не традиционной религией). Выделение этого типа интуитивно понятно, однако, на мой взгляд, представляется неоднозначным ответ на вопрос, насколько организационная структура этого типа совпадает с таковой в церкви, и насколько можно говорить в данном случае о совпадении типа членства. Ведь к внутрицерковному сектантству, как указывает В.А. Мартинович, относятся и культ личности, и магическое мышление, и апокалиптизм, и политеизм, и экстремизм, и самовольное внедрение в структуру церкви изна-

чально чуждых ей религиозных практик, систем вероучения, методов работы.

6) Сектоподобные группы: «организации, совмещающие в своих границах не имеющие ничего общего с сектантством элементы с рядом чисто сектантских характеристик. (...) Их сектантскость является постоянно изменяющейся величиной...» (с. 96–97). О степени развития организационной структуры и о способе членства в таких группах автор ничего не пишет.

Таким образом, мы видим, что критерии, лежащие в основе выделения разных «типов» (классов), используются в данной классификации недостаточно последовательно. Хотя сама классификация имеет эвристическое значение и позволяет В.А. Мартиновичу выявить далее ряд закономерностей. Так, «чем менее структурирован тот или иной тип сектантства, тем больше он представлен в обществе» (с. 128); «чем эффективнее и сильнее развивается сектор структурированных форм сектантства, тем большее влияние он оказывает на уменьшение общего объема несектантских идей». Последняя «закономерность» представляется спорной. Вряд ли в данном случае уместно применять механистический принцип сообщающихся сосудов, ведь современные общества сильно дифференцированы, так что развитие наук и культуры, особенно в части идей, во многом идет независимо от сферы религии.

То же самое касается и второй классификации нетрадиционной религиозности «по содержанию вероучения». Дискуссионным, на мой взгляд, является вопрос о том, следует ли относить к нетрадиционным религиозным объединениям коммерческие культы (такие, как Гербалайф, Амвэй и т.п.), псевдонаучные культы (последователи Акимова, Казначеева, Вейника и т.п.), псевдопсихологические культы (академия Золотова, Академия трансперсональных технологий и т.п.). По всей видимости, автор монографии не разграничивает квазирелигиозные и нетрадиционные религиозные объединения. Кроме этого, представляется сомнительной целесообразность выделения такого типа, как «политические культы», наряду с неоязычниками, НРД восточной ориентации, синкретическими культами и, возможно, другими группами, поскольку в этом случае нарушается одно из основных требований, предъявляемых к классификациям, — непересечение классов. В целом предложенная классификация во многом бы выиграла, если бы была построена как многоуровневая.

Тем не менее сам аналитический подход, предложенный